

АЛЕКСАНДР ЗАВЬЯЛОВ

Премудрая Хозяйка

6+

Александр Николаевич Завьялов

Премудрая Хозяйка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40300673

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97711-2

Аннотация

Доброй девочке снятся волшебные сны, где она всемогущая лесная Хозяйка. Она подружилась с обаятельной волчицей Марушкой. Вместе они наводят порядок в Кара-Шимском лесу, где властвуют леший Аноха Зелёнка и его жена Оса-Пилюля. Аноха за лесом не смотрит, над животными издевается и любит только волков. А у Пилюли всё получается глупо и во вред. Хозяйка обещает, что у волчицы родятся необычные и одарённые волчата, и всё сбывается.

Содержание

Илька	4
Странные сны	7
Волки у костра	19
Лесовин Аноха Зелёнка	26
Сёстры Ледовитки	33
Таинственный домик	42
Как Клещ умом пошатился	54
Встреча с волчицей	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Завьялов

Премудрая Хозяйка

Илька

Ильку сейчас не узнаешь, ох и красавица! Все на неё заглядываются, от женихов отбою нет. А по детству, не поверишь, многие её некрасивой считали. Кто и вовсе дурнушкой прозвал. Особенно Зинаида Матвеевна с третьего этажа отчего-то больше всех над Илькой посмеивалась. Всякий раз сочувствовала... Подошла, помнится, к девчужке, погладила её по головке и сказала жалостно:

– Эх, дитятко, обминула тебя природа, обминула... Горькая тебе доля досталась... – и по великому своему житейскому опыту «всюю правду» открыла. Чтобы, дескать, дитёнок жизнь знал и к суровым испытаниям готовился.

Про Матвеевну все скажут: вредная старушонка, глаза у неё злые и вместо языка – змеиное жало. Съязвить да смутить – это ей и мимоходом удаётся.

Однажды присела она на лавочку среди соседок-старушек и говорит:

– Несправедливо жизнь устроена. Я какая красавица была, а всюю жизнь с пьянчужкой промаялась. У девоньки и вовсе надея слабая... Не про неё счастье, не про неё. В мать

пошла... Это ж как ей повезти должно! Хорошо, если себе замухрышку найдёт, а то, знамо, одной весь век горевать.

Илька услышала этот разговор и то ли не поняла, то ли какие слова пропустила, подошла к старушкам и спрашивает Матвеевну:

– Бабушка, а мне мама говорит: не родись красивой, а родись счастливой. И папа сказал, что я счастливая.

Старушка засмеялась мелким дребезжащим смешком, с соседками перемигнулась и говорит:

– Ступай, дитяtko, иди, погуляй с ребятами...

Ильке тогда и десяти лет не было, не очень-то её слова обидные задела. Что и говорить, девчушка лёгкого нрава, смешливая и ласковая, злости в ней и вовсе нет. Сама приучила себя обиду из сердца гнать. Случись чего, поплачет маленько, повздыхает, и никакая кривулина к ней не пристаёт. Бывало, рассорка с подругами приключится, и пяти минут не проходит, как сама мириться бежит.

Ну и вот, а к семнадцати годам Ира (Илькой её отец с матерью, близкие люди и подруги всякие называют) в такую красавицу расцвела – ну лебёдушка, глаз не оторвать! Родители у неё низенькие, и по всяким генетишным законам Илька тоже должна была росточку малого взять. А она уже в пятнадцать лет на ширину ладони мать переросла да и отца выше стала. Теперь-то и вовсе высоконькая. И про пышку не вспоминай – вон какая стройная и тончаявая! В талии – оса, а ноги такие, слышь-ка, долгие, что Илька будто цаплей

запохаживала. Но самое удивительное – это её смеющиеся глаза. И теплинка добрая из них льётся, и озорные искорки блёстками посверкивают. Столько в них жизненной силы и радости, что на кого ни посмотрит Илька, сразу тому легче и веселее жить становится. А ещё кажется, что в её глазах тайна какая-то сокрыта...

Словом, вовсе другая стала, как подменили всё равно.

Сядут старушки во дворе и толкуют, отчего Илька так чудесно в самую раскрасавицу выправилась. Зинаида Матвеевна сразу верное объяснение придумала: дескать, отец с матерью Ильке неродные. Так и заплямкала языком:

– Смотрю я, бабоньки, и дивуюсь: родители неказистые, а девка у них справная. Ладом дело нечистое. Верно говорю: подменили они девочку в роддоме, умыкнули чужу красоту. И сумлеваться нечего. Я ишо по детству несуразность эту приметила. А теперича и вы, небось, видите...

– Раньше ты, Матвеевна, по-другому говорила. Мол, яблоко от яблони недалеко падает... Твои слова.

Баба Зина и глазом не моргнула.

– Так она и тогда была на родителей не похожая. Мне это сразу в глаза бросилось.

Поспорят старушки, а всё же друг с дружкой согласятся, что и, верно, тайна тут какая-то есть. Эх, скажу тебе, и правда в жизни Ирины сокровенная история случилась. О ней и хочу тебе рассказать.

Странные сны

С малых лет захотелось Ильке всё про птиц знать. Весной и летом раненько встанет, и так заслушается соловьёв и других птах певчих, что домой её не загонишь. А зимой, когда крепкие морозы наступают, сама не своя становится. Всё думает, что звери и птицы в лесу мёрзнут. На балконе кормушку изладила, всякую крошку со стола соберёт и птахам отнесёт. Сама иной раз хлебушка не съест, для пернатых припасёт. Где-то прочитала стихотворение, и очень оно ей на сердечко запало. Я его полностью не помню, а вот отрывок:

*... Утром на смену ночи
Поздний пришёл рассвет.
Маленький стылый комочек
С ветки упал на снег.*

Когда Илька в первый раз стих прочитала, обрелась вся. Со всей ясностью прочувствовала, как маленькая птаха крошечной ночью мёрзла и, не дождавшись солнышка, окоченела.

Родители Ильки наукой занимаются. Однажды они с коллегами по работе научный разговор вели, о какой-то там мудрёной болезни спорили. Дескать, природа вируса неизвестна и победить его не удаётся. Ген вируса постоянно мутирует и никак его не понять. Илька возьми да и скажи:

– Людям нужно сначала у животных все болезни выле-

чить, тогда и никаких болезней не будет, – ну, как взрослая всё равно рассудила. Ей тогда пять лет всего было. Это как?

Слушай дальше, отец с матерью сконфузились, словно неловко за дочку стало, а Иван Сергеевич, друг их, кстати профессор, улыбнулся и спрашивает:

– Ты, Иринка, почему так думаешь?

– Потому что люди помочь себе и друг другу могут, а животные – нет. Сильные всегда должны защищать слабых. Сила не для себя нужна.

Удивила, конечно, взрослых. С малых лет и такая мудрость!

Ну да ладно, любит Илька на птиц смотреть, а лебедей ей и вовсе очень повидать захотелось. Как-то узнала от родителей, что лебеди в Крыму зимуют. И там очень доверчивые становятся, людей близко подпускают и даже позволяют по пёрышкам и по шее себя погладить. Добрые люди им поесть приносят, с руки кормят. Илька и замечтала в Крым поехать в это время и лебедей вкусненьким угостить.

Мечты, конечно, но словно кто их услышал... Первый раз с лебедями Иринка по десятому году повстречалась. Сначала во сне, а потом и наяву довелось.

Скажу тебе, сны Ильки очень уж необычные. Кошмары к ней вовсе не приходят, а часто снится ей, будто она птицей летает. И людей в своих снах редко видит, а каждый раз в лесу со зверями и птицами разговаривает.

Бывало, возьмётся книжку интересную читать, понравит-

ся ей, и бежит сразу подружкам советовать, а то и чуть ли не всем прохожим. Такой уж у неё характер открытый, всякой радостью с другими торопится поделиться. А ночью ей снится, что она на пенёчке сидит и ту книгу зверям и птицам читает. Хоть зимой, хоть летом, а то и непогода разыграется – Ильке всё нипочем. Ночью луна с неба слезает, спускается пониже и висит себе на ветке дерева, под которым Илька сидит. Старается вовсю, сияет, как лампа, чтобы Ильке лучше буквы видать было. Волки, олени, лисы и другие звери и птицы вокруг собираются, рядышком друг с дружкой, мирно и спокохонько. Чудно. Слушают внимательно, и хоть бы кто перебил.

Ещё придумала народец лесной уму-разуму научить. Так и сказала: «Что мне одной учиться? Пускай и зверюшки знаний набираются». В школе оценки разные получает, а в своих снах сама пятёрки и четвёрки раздаёт.

Правда, как только просыпается, сразу сон забывает. Разве что вспомнит малость какую-то, да и то смутно и мельком. Однако утром всё равно веселёхонькая из кровати выпрыгивает, весь день и сама смеётся и других радует.

В ту зиму ей десятый годок пошёл. Приснилось Ильке, будто она в снежном лесу на берегу речки. Река вся льдом закована, и только вдоль берега полоска узкая открытой воды. И вот на этой чистой воде два белых лебедя плавают.

Вокруг сугробы глубокие, а Илька не притопаёт нисколько, словно по твёрдыне идёт. Разве что следки еле приметно

за ней цепочкой вьются. Из взрослых никого нет, а ей и не боязно. Чудно, да и только.

Подошла поближе и вдруг видит пятеро волков по берегу ходят и на лебедей, скалясь, поглядывают. А один волк на лёд заскочил и с другой стороны примеряется.

Лебеди, видать, до того обессиленные, что и улететь не могут. Прижались друг к дружке, на волков в испуге смотрят и мечутся вдоль открытой полоски. Недалеко они от берега, волку и одним прыжком достать, а не охота, видать, серым в воду лезть.

Увидела Илька волков и придумала... незаметно к ним

подобраться. Дай, думает, за хвосты их оттаскаю. Решила так-то и... исчезла. Самого большого волчину выцелила глазком и к нему невидимая подкралась. Очутилась рядышком, схватила серого за хвост и сама собой стала, видимая для обычного глаза. Волк как завопит да как рванётся! Чуть было хвост в руках Ильки не оставил. Вырвался и вбежки во все лопатки.

Другой волк испуганно всхрапнул и завопил срывающимся голосом:

– Да это же Хозяйка! Шуба! Бежим, робяты, отсюда! – и, не оглядываясь, пустился наутек.

И остальные волки тоже со всех лап в лес сиганули. Только хвосты за деревьями мелькнули.

Посмеялась Илька, а сама даже не удивилась, что волки её испугались. Будто так и надо, обычное дело. Подошла спокойненько к берегу, и лебеди к ней подплыли. Словно тоже её узнали. Стали, перебивая друг дружку, рассказывать, какого страха натерпелись.

Илька давно привыкла, что народец лесной по-человечески болтает. Во сне это, конечно, а вот наяву, как ни старалась собак и кошек разговорить, ничего не получилось. Те на неё, как на ненормальную смотрят. Сами, конечно, по-человечески – ни бум-бум.

Илька послушала лебедей и говорит:

– Ишь, прохвосты! Вот я им покажу! – потом подумала и говорит: – Ничего не бойтесь, теперь они у меня к вам и носа

не сунут. А вы молодцы, не хуже Серой Шейки в ледяной воде плюхаетесь.

Лебеди про Серую Шейку слышали, конечно, а всё же несколько не обиделись, что девчужка их с какой-то уткой сравнила. Стали взахлёб рассказывать, почему в тёплые края не улетели.

История это и впрямь горькая. Тайну тебе скажу. В том тут закавыка, что этой паре лебедей, которых Илька во сне увидела, на самом деле в Кара-Шимском лесу зимовать пришлось.

Первый год Машка с Яшкой вместе. И такая это бедовая пара, что и сказать страшно. Всё-то с ними несчастья да горести случаются. Весной так и не удалось им детей завести.

Гнёздышко они на мшарных озерах построили, что за Кара-Шимским перевалом. Места эти глухие вовсе, редко сюда даже охотник заглянет. А уж праздные люди и сроду не хаживали. Зверю тоже по топким болотам не пробраться. Как-никак, а для лебедей в самый раз. Детям в тишине и покое расти, и самим понапрасну не тревожиться. На беду, весной погода дождливая выдалась, и большой паводок случился. Речка Нарышка все свои старицы затопила, по пойменным болотам прошла, где Машка с Яшкой гнездо построили. Бурный поток гнездо лебедей разрушил, и вся кладка погибла.

Другое гнёздышко лебеди повыше на сухом месте поставили. От речки вроде как в безопасности, но так случилось,

что лиса кладку нашла. В первый раз лису лебеди прогнали, только та всё равно потом подстерегла.

Больше Машка не решилась яйца откладывать. А осенью, когда лебеди собирались уже на зимовку лететь, беркут на Машку напал. Налетел со страшной силой, и точно бы погубил, но, к счастью, Яшка вовремя подоспел. Вдвоём они на силу отбились, а всё же сильно беркут лебёдушку поранил. Крыло ей повредил, да и крови Машка много потеряла.

Хворала Машуня, что и говорить, очень долго. Яшка от неё ни на шаг не отходил, поесть приносил. Если что вкусненькое найдёт, сам не ест – Машуне несёт. Выздоровела лебёдушка и даже смогла на малые расстояния летать. Да только на зимовку дорога дальняя, попробуй помаши крыльями несколько дней кряду. Машке такой перелёт никак не осилить. Вот и решили лебеди на Нарышке зиму перетерпеть. От уток и гусей всё же слышали, что на тальцах¹ многие зимогорят так-то. В этом месте на родниках речка никогда не застывает, потому лебедям и плавать можно, и какую-никакую травину со дна ущипнуть.

Машка отговаривала Яшку, конечно, ну, чтобы он один на юг летел, не мучился из-за неё. Да что там, и ругалась, и плакала навзрыд, однажды и вовсе сказала, что не по любви за него взамуж вышла. Соврала, конечно, намеренно кусанула словами обидными, однако Яша не отступился, никаким словом его не сшибёшь. Нет, ну обиделся, конечно, понача-

¹ Тальцы – не застывающие зимой родники

лу-то, а всё равно даже и в мыслях у него не завелось, чтобы Машуню бросить. На всё у него один ответ:

– Мне без тебя ещё хуже будет. А зиму переживём как-нибудь.

Всё это лебеди и рассказали Ильке. Девчушка даже заплакалась и тут же – проснулась. Удивилась она, до чего ей сон яркий и ясный приснился. Каждую детальку вспомнить можно. Да тут же и загрустила. Как представит, что лебеди одни на студёной зимней речке плавают, так сразу слезинки ей на глаза наплывают.

В тот день в школе Илька еле вытерпела, чтобы с уроков не удрать. Прибежала домой и бабушке свой сон рассказала. Потом спросила, как лебедям помочь можно.

Бабушка только улыбнулась.

– Да как же им, дитяtko, поможешь? Во снях видела, – значит, нет их на самом деле.

Маме и папе тоже открылась, а те тоже говорят: мол, снам верить нельзя, там всё не по-настоящему.

– Это работа нашего мозга, – учил отец. – Так наш мозг устроен. Иной раз такая белиберда приснится, что неразбери-поймёшь.

И мать вторит:

– Хорошо, Илька, что к тебе хорошие сны приходят. Я слышала, люди такие есть, что им сны вообще не снятся. Это плохо. И животные сны видят, посмотри, как наш кот Васька иногда во сне лапами перебирает. Бегаёт где-то, наверно,

шельмец, по крышам. Или мышку ловит.

Видит Илька, от взрослых никакого дельного совета не дожидаться, ну и сама придумала, как лебедям помочь. Краски, кисточки достала и решила лебедей рисовать...

Илька всякий раз, когда у неё настроение грустное, в альбоме рисует. Думаешь, каракули малюет? Как бы ни так! С пяти лет с красками возится.

Тогда с ней болезнь страшная случилась. Врачи помочь не смогли, и Илька вроде как случайно к рисованию потянулась. Рисунки у неё всегда весёленькие выходят, словно живые, а чёрную краску она и вовсе невзлюбила. Посмотришь на Илькины картинки, и как будто она новые жизни придумывает. От рисования с Илькой чудо и случилось. Постепенно болезнь ушла, и девчущка, к удивлению врачей, совсем выздоровела.

Сейчас Илька уже и маслом и акварелью пробует. В кружке Юный Художник её самой талантливой считают.

...Сначала хотела в точности передать, как лебедей во сне видела, а потом подумала, подумала... и придумала вовсе несообразное. «Не буду их на холодной реке оставлять, – решила она, – пускай они у меня в тёплом домике перезимуют».

Скажу тебе, Илька очень верит, что если она что-нибудь хорошее нарисует, то это обязательно сбудется. Не раз уже так бывало. Помнится, изобразила медведицу с медвежонком, а ночью ей снится: самая настоящая медведица благода-

рит её слёзно, за то, что она... помогла ей медвежонка найти.

– Потеряла я своего Мишутку, – причитала медведка. – Два дня не могла найти. Если бы не ты, Хозяюшка наша, пропал бы мальчонка, и я бы горя не вынесла.

Илька сразу напустилась (во сне она частенько строгая) на нерадивую мамашу.

– Что же ты за мать такая, что ребёнка без присмотра оставила?! – и ножкой топнул. – Вот лишу тебя родительских прав, будешь знать!

Медведица стоит виноватая вся такая, с лапы на лапу переминается, голову понурила, глаза прячет. Мишутка её возьми да и зареви.

Ну, Илька и смиловалась.

– Ладно, – говорит, – идите. Только впредь, чтобы этого не было!

После того сна погордилась маленько, а как же. Потом ещё много раз звери и птицы её благодарили. Так и поняла, что её рисунки как-то на жизнь лесную влияют.

...Домик Илька с одним окошком нарисовала. Хоть и небольшой получился, зато с длинной трубой на крыше.

– Сразу видать, тёплый домишко, – порадовалась девчушка. – Теперь Яшка с Машуней перезимуют. Ну-ка, ещё дыму прибавлю, чтобы теплее было.

Потом подумала, подумала и ещё одну трубу пририсовала и дыма гуще накрутила.

Этой же ночью сон ей приснился, будто сама она в домике

том оказалась. Тепло в нём, две белые печурки рядышком стоят, а в них дрова жарко пышут. Шипят весело так, потрескивают. А возле стеночки – мягонькая подстилка для сна. Лебеди по комнатке туда-сюда вразвалочку ходят, лапами по полу шлёпают. В уголке ванночка небольшая стоит, и в ней они по очереди плюхаются.

– Вот хитрюги! – засмеялась Илька. – Про воду-то я забыла. Сами, наверно, ванну где-то купили?

– Нам без воды нельзя, – отвечает Машуня. – Вот только тесно в ванночке и вдвоём плавать нельзя.

Илька, когда себя Хозяйкой видит, сразу силу свою знает. Кажется ей: всё, что ни пожелает, враз исполняется. Улыбнулась девчушка, с хитрецей глянула и говорит:

– Ладно, будет вам вода... Пойдёмте купаться... – и вдруг на стенке ещё одна дверка объявилась. Илька подошла к ней, обернулась и спрашивает: – Вы чего, воды боитесь?

Лебедям и впрямь боязно. Не охота, знаешь, из тёплой избы опять на стужу идти. Всё же Яшка насмелился и первый пошёл. Машуня чуть замешкалась, но тоже следом потянулась.

Толкнула Илька дверку, а там – хорошенькое дело! – льда ничуть не бывало, река весело в берегах плещется. Да ещё – вот чудо так чудо! – лето вокруг. Тепло, солнышко светит. На деревьях листочки зелёные, а по земле травка стелется. По берегам всякой водной зелени видимо-невидимо – ешь не хочу! Плавай сколь хошь, а там, глядишь, и весна придёт.

– Теперь вам грустно не будет, – сказала Хозяйка и шутейно пригрозила: – Смотрите у меня, днём плавайте, а когда солнышко за гору спрячется, сразу домой бегите. Ночью здесь опять... холодно, зима.

Такой уж порядок: когда Илька спит ночью, в Кара-Шимском лесу день, и наоборот. Не может же, в самом деле, она везде поспеть.

Так и зажили Яшка с Машуней. Днём на тёплой Нарышке плавают, плескаются, а ночь в домике коротают. Прижавшись друг к дружке, смотрят, как снежные вихри за окном буйствуют.

Волки у костра

Только Илька лебедёй пристроила, опять ей яркий сон привиделся. Приснилось, будто она в иволгу перевернулась. Потом выпорхнула на снежную полянку, смотрит: посередке костёр горит, небольшой такой костерок, разве что угольки в краснах пышут и пламешек махонькими заплесками трепещется.

Людей ничуть не бывало, а вокруг него... волки разлеглись. Стая самая известная, тут, за Кара-Шимским перевалом, эти волки огромный себе участок отхватили. Хват Серпоклык, вожак стаи, дремлет себе, свернувшись в калачик и прикрыв нос хвостом. Волчицы Грызя Рыкова и Жужа Мухановская весело о чём-то разговаривают. Молодой переярок Герасим на огонь смотрит, и будто раздумался о чём-то. С голода глаза выпучил, смотрит, как в углях куски мяса шваркают. Тарацит зелёные глазища ну и нет-нет да и облизнётся. Другие волки тоже дремлют и украдко на костерок поглядывают.

Увидела Илька волков и... обрадовалась. Этих-то прохвостов и искала... «Ах вы разбойники! – сердито подумала она. – Ишь, разлеглись! Вот я вам покажу!». Возле самого костра ударилась о снег – и сразу из птицы в девчущку перевернулась.

Волки всполошились не на шутку, повскакивали с мест,

но такое оцепенение на них нашло, что с места сдвинуться не могут. Сразу, слышь-ка, Хозяйку признали, с испугу в кучку сбились, хвосты поджали и трясутся от страха.

Илька топнула ножкой и говорит строго:

– По какому это праву вы животных в лесу губите?!

Старый волк, по прозвищу Кусарь, выступил вперёд и говорит:

– Как же нам не губить, хозяйюшка, коли мы окромя мясного ничего не едим. Брюхо, оно совета не спрашивает.

– Волку сеном брюхо не набить, – поддакнула его жена, старая волчица.

Илька удивилась, что волк её хозяйюшкой назвал, а виду не подавала. Да и то сказать, такую силу и решимость в себе почуяла, будто главная она в лесу.

– Животным и так зимой тяжело. Холодно и голодно – а вы пользуетесь!

– Что поделаешь, – вздохнула старая волчица, – у самих сердце кровью обливается. Зря на нас осерчала. Вот у хозяйина нашего, лесовина Анохи Зелёнки, волки похлещи нас будут. Звери так звери. Никого не щадят. Побольше нашего лопают да и ради прихоти жизни лишают. А мы что – мы так, для пропитания только...

– Вы тоже хороши!

– Знаем... – закивал головой дед Кусарь. – Знаем, и говорить нечего. Я вон сколь на своём веку погубил! Ужо спать боюсь: одни кошмары снятся. А поделать-то что? Присове-

товала бы, а?

А Илька успокоиться не может.

– Яшку и Машуню охраняйте. Если с ними что-нибудь случится, я с вас по семь шкур сниму, – пригрозила она.

– Не беспокойся, Хозяюшка, и пёрышка с них не упадёт.

Илька раздумавшись волков оглядела и говорит:

– Ладно, что с вами сделаешь. Взрослых никак не переделаешь, а чудес на свете не бывает... – помолчала немного, загадочно на волков глянула и объявила: – А дети у вас пусть другие будут!.. – сказала так-то, ножкой топнула, в иволгу обернулась и улетела восвояси.

Илька тут же и проснулась. Утро в окошко глянуло, самое время вставать. Полежала она в кроватке, сон вспоминая. Чудно ей. Ладно, думает, следующей ночью увижу, что дальше случилось. Вскочила веселёхонько и сразу к окошку подбежала. Выглянула на улицу, тут же и на градусник посмотрела.

– Пять градусов всего! – обрадовалась она. – Прошли морозы, теперь зверюшкам и пернаткам не очень холодно.

Потом на кухню сбегала, семечек принесла и в кормушку насыпала. А птицы уже ждут, на ближайших деревьях си-

дят нахохлившись. Илька только немножко насыпала, а они уже слетелись со всех сторон, девчущку нисколько не боятся. Синички схватят семечку и обратно на ветку запрыгивают. А воробьи тут же, в кормушке, щёлкают.

Посмеялась Илька, вспоминая, как волкам нагрозила, и решила этих волков в альбоме изобразить. Села к столику и мечтает: «Эх, вот если бы волки не нападали на зверюшек, а оберегали их», – а сама старательно волка кисточкой выводит.

И вот представь, маленькая девочка, десяти лет отроду, эдак со всей серьёзностью рисует и приговаривает: так, этому – уши длинные, этот пускай с копытами бегаёт. Так, бобры у нас мясо не едят? Хорошо... Рисует, и всё-то у неё волки какие-то странные получаются. Вроде бы голову волчью изобразит, а дальше вовсе несуразно выходит. На одного глянешь – не то заяц, не то волк. И уши длинные, и задние лапы заячьи. Другой волк и того страшнее – с копытами, а на волчьей голове – рога, как у буйвола.

Так увлеклась, что всякие разные волки у неё получились. А у Ильки сердечко всё-таки доброе – посмотрела она на своих волков... и ей жалко их стало.

– Бедненькие, – схватилась она ладошками за щёки, – как же вы жить будете! – потом вспомнила слова бабушки Зины и говорит важно так-то: – Да, обминула вас природа, обминула...

Ну и с доброго сердца кинулась дело поправлять. Тому

волку, с заячьими ушами, шубку в красивый цвет выкрасила. А который с копытами – красивые рожки пририсовала. Сначала две веточки, а потом подумала, подумала и ещё веточку прибавила. Других волков тоже не обидела, а как же.

Так-то глянешь, и от волков ничегошеньки не осталось. Что за звери – неразбери-поймёшь. Запуталась вовсе Илька. Полюбовалась она на своих «красавцев» и говорит себе:

– Эх, сколько волка ни рисуй, а он всё краше не становится, – вздохнула и решила: – Что поделаешь, пойду спать... гляну на настоящих, какие в лесу водятся.

Самое чудное, что и впрямь Кара-Шимском лесу девчушка к волкам приходила. Не во сне, а наяву. И всё, что Ильке привиделось, на самом деле случилось. Только костра не было, и мясо на огне волки не жарили. На лёжке просто отдыхали после удачной охоты. Налопались и вокруг останков дичины взвалехнулись.

Когда Хозяйка улетела, переглянулись волки друг с другом, а дед Кусарь и говорит:

– Видать, конец нашему волчьему роду настает, – вскинул голову и, на луну глядячи, завыл.

Другие волки, как по команде, тоже задрали мордахи и заголосили на разные лады.

Старая волчица, жена Кусаря, толкнула мужа лапой и шикнула:

– Погодь вопить-то, может, пронесёт ишо.

– Раз Хозяйка сказала, так тому и быть, – отмахнулся старый волк. – Мне бабка рассказывала, что в давние времена это она, Хозяйка лесная, мамонтов и шерстистых носорогов извела.

– Будет брехать-то! – сунулась в разговор колченогая волчица. – Мамонтов Ледовитки извели. Они тогда Великую Стужу напустили. Зима годы напролёт на Земле царила. Все и перемерзли да от голода сгнули. Ох и сытно же волкам до Великой Стужи жилось! В мамонте этом, сказывают, не одна тонна мяса была.

– А может, это и не Хозяйка? – плаксиво спросил переярок Герасим. – Что-то уж больно маленькая.

– Она самая, не сумлевайся, – отмахнулся дед Кусарь. – Сразу, вишь, набросилась – Хозяйка и есть. Опять же превращаться в птицу умеет. Где это видано, чтобы иволга зимой летала? Да и на человека похожая – верный признак.

Погоревали ещё волки сколько-то, а тут и время ужина подошло. А за едой какие у волка горести? То-то и оно, только и успевай, что в брюшко складывай.

Кинулись они на остатное мясо, и каждый норовит больший кусок отхватить. Трескают себе и друг на дружку поглядывают.

Лесовин Аноха Зелёнка

Эх, ладненько зажили Яшка с Машуней. Свезло, что и говорить. Днём на озере плавают, на солнышке греются, а морозную ночь в домике коротают. Еды вдоволь стало. Раньше из-под льда водоросли никак не достанешь, а теперь дно на сотни метров открылось – выбирай водную травку на любой вкус. А в шуваре² много всяких рачков, насекомышей прячется. Словом, всего невпроед. То было Яшка с Машуней погибать приготовились, смирились со своей бедовой участью, разве что надеялись всего лишь несколько дней пожить. А тут, получается, лучше многих пернатых на зимовку устроились. Другие птицы зимогорить за тысячи километров летят, а Яша и Машуня в родных местах солнышко нашли.

Думаешь, это Илька только во сне своём видит, а на самом деле такого и быть не может? Ну, это как сказать...

Тайну тебе открою. Неспроста к Ильке чудные сны приходят. Тут, видишь ли, такое дело: в Кара-Шимском лесу давно порядка нет. Ну и по одному Вселенскому закону так получается, что только маленькая девочка лес спасти может. Не всякая, конечно, а вот на Ильку выбор пал. Видать, такое у неё сердце доброе и любящее, что любое зло извести может.

Кара-Шимским лесом с давних пор лесовин Аноха Зелён-

² Шувара – водная растительность

ка владеет. Всему краю, который по руслу реки Нарышки раскинулся, он главный начальник. За лесом смотрит и зверями и птицами командует.

Хотя, по правде сказать, хозяин он некудыкий. Волки у него самые любимцы, а до других животных ему и дела нет. Он, вишь, думает, что всё живое только для того создано, чтобы волку в брюхо попасть.

По человеческим понятиям, на вид Анохе лет 35 – 40, хотя на самом деле, он не одну сотню лет на Земле толкается. В отличие от людей лесовины долго живут. Аноха долговязый и худой. Ходит, сутулясь и склоняя голову чуть набок. Лицо у него худое и вытянутое. Подбородок квадратный, напредки выпячивает и чуть набок, а брови густые и сросшиеся в одну толстую лохматую линию. Причёска до того странная – у других лесовинов такую не встретишь, у людей разве что... Волосы зелёные, само собой, благодаря им Аноха и прозвище Зелёнка получил. Прямые, длиной – в ладонь. Собраны в один большой пучок и топорщатся на левую сторону параллельно земле, как стальные проволоки.

Характер у Анохи трусоватый, подленький. Над животными всегда издевается, а с другими лесовинами хитрит. Одни глаза Анохи чего стоят – взгляд надменный и одновременно какой-то дебиловатый... Да что говорить, стоит только раз на Аноху взглянуть, и сразу всё понятно... Однако сам он думает, что умней его во всём свете нет.

Аноха над другими лесовинами посмеивается и говорит

сам себе:

– Болваны! Ничего, узнают ещё, кто такой Анокар Зеленский! – ну, это он себя так называет. – Дайте мне только время, я вас всех в грязь втопчу!

Ещё Аноха дневник ведёт. Тщательно следит, чтобы каждое его действие на бумагу легло. Я, говорит, великий лесовин, потомки с меня пример возьмут. По моим книгам в академиях учиться будут. Это сейчас среди лесовинов одни болваны, а когда настоящую науку поймут, и лесное житьё изменится.

Если волк в его лесу жизни лишится, Аноха горюет сильно и поминки пышные устраивает. Не только мясоеды, а все жители Кара-Шимского леса должны присутствовать. И попробуй кто-нибудь не поплачь! Строго Аноха следит, чтобы олени, лоси и другие травоеды навзрыд плакали и причитали.

Соберёт Аноха животинку со всего леса и торжественную речь произносит. По его словам всякий раз выходит, что необыкновенный волк приказал долго жить.

– Столько он добра для леса сделал, – обливаясь слезами, говорит Аноха, —Сохраним же память о нём в наших сердцах! Спи спокойно, серый благодетель! Мы тебя никогда не забудем!

А там, может, и волк-то был – откаты последняя. Хуже и не придумаешь. Только для своей доволи жил. Все мысли, как бы брюхо под завязку набить. Ну а для Анохи все волки

– лапушки.

Что и говорить, если сам свою породу волков вывел. В Кара-Шимском лесу четыре стаи волков живут. Три из них – это природные волки, к ним и стая Хвата Серпоклыка относится, с которой Илька разговаривала, а четвёртую – Аноха при себе держит. Особенности эти волки, их Аноха, как это у людей сказывают, специальной селекцией развёл.

Давно он, скажу тебе, замечтал необычных волков на все леса напустить. Одно время, лет триста назад, на пирушках всегда похвалялся:

– Скоро у меня волки ростом и силой с медведя будут, а быстротой – как олени.

Ох и намучился он на этом поприще! Подберёт волка с волчицей по своим мыслям, подведёт друг к другу, кровями их перепутает – и необыкновенную породность ждёт. А у тех или мертвые рождаются, или только один волчонок на поглядку, а остальные хилые либо с уродством каким.

Всё-таки вывел породу по своим мыслям. Волки получились рамистые – и в теле могучие, и силой на отличку. Сказывают, два его переярка, было дело, у огромного медведя шкуру уносили. А на лося, плетут, и вовсе поодиночке ходили.

Многим числом, правда, развести не получилось. Как ни старался Аноха, а самая большая стая у него была – с десятков хвостов. Чтобы по другим краям и лесам пустить, об этом и речи нет. В которые годы и вовсе думал, что без своей зна-

менитой породы останется.

Самая главная загвоздка, что недолговекие у него волки. Больше семи лет не живут. К шести годам нутром трухлявые и утлые становятся. Да и молодого волка иной раз хворь тайная подкосит. Уж чего только Аноха не перепробовал! Сам обо всех болезнях и фаробах³, которые по миру ходят, доподлинно знает, а отчего его волки гибнут, объяснить не умеет. Сколько уже над этой тайной бьётся! Правда, не очень-то и печалится. Любит повторять: не тот живёт больше, кто прожил дольше. У моих волков жизнь интересная, они больше жизнью губят.

Ну а в последнее время отчаялся и от своей задумки отступился малость. Неожиданно прояснилось, что из его волков певуны хорошие получаются. И Аноха загорелся небывалый хор создать. Уже не старается, чтобы его волки сильные и ловкие были, а таких на развод отбирает, у которых голошишко на особинку. Притом за многие годы добился, что все самцы у него в хоре самыми писклявыми голосами визгляют, а все самки – чистые басы. Аноха, вишь, думает, что так и должно быть. У него, вишь, у самого голос писклявый...

У Анохи волки-певуны хоть и рамистые, а трусливые – прямо каждого шороха боятся. Охотники из них никудышные. А волчий промысел, известно, всегда с огромным риском связан. Тут и под копыто попасть можно, и на острые рога наскочить.

³ Фароба – непонятная болезнь, которую врачи объяснить не могут

Зелёнка им сам съестное достаёт. Для лесовина это проще простого. Накудесит волшебной силой всякой еды, и ешь не хочю. Хоть оленя целикового, хоть кабана к столу поднесёт. От природных они ничем не отличаются – и обличье, и нутро до каждой клеточки скопировано. Мясо на вкус – то же самое. В том только разница, что в Анохиных мясных тушах жизни никогда не было. Такой уж у лесовинов дар: тело любого животного явить могут, а жизнь в неё вдохнуть не в силах. Этого им по сути не дано. И мёртвых они оживлять не умеют. Если уж живика (люди её душой называют) вылетела, только и может лесовин, что вслед платочком помахать, а вернуть уже не получится. Если только сама она, живика-то, назад не вернётся. Однако у животных это редко случается. Вот у человекoв – да, бывает, часто душа возвращается. То назначение своё не выполнит, а то и врачи сноровистые попадутся, насулят исцеление и назад душу приманят.

Всё же у подопечных Анохи какая-никакая, а волчья суть. Потому им иной раз и самим поохотиться по нраву. Только ничего толкового из этого не выходит. После охоты приходят волки к Анохе и жалуются, плачутся. Рассказывают, перебивая друг дружку, дескать, охотились весь день и не солоно хлебавши вернулись. Якобы какой-то там лось их с носом оставил.

Ну, Аноха сразу заступаться бежит. Найдёт того лося и ругает почём зря.

– Болван! Как ты смел убежать от моих волков?!

Сделать он сохатому ничего не может, по лесному закону не положено, а так напугает, что тот в спешке в другие леса убегает. Поймёт Аноха свою оплошку, когда уже исправить ничего нельзя. Пойди докажи другому лесовину, что это твой лось.

Ну да ладно с этим Анохой, а расскажу я тебе, как лебеди на самом деле зимой на тёплой речке очутились и зажили в чудном домике с двумя трубами.

Сёстры Ледовитки

Зимой лесному народцу всегда трудно. С кормёжкой совсем худо, да ещё Ледовитки злыдарят. То Стыня Ледовитка лютую стужу напустит, то Путерга с дочерьми, Вьюгой и Метлухой, со страшной бурей нагрянут. Как начнут лютовать да буйствовать, так хоть с жизнью прощайся. Это у них забава такая: по нраву им, вишь, живую плоть в застылину облапить и в снег зарыть.

Вьюга и Метлуха, хоть и двойнятки, а друг на друга совсем не похожи. Вьюга красавица – и лицом и статью взяла. Но гордая! Высокомерная и спесивая, возомнила о себе, что она самая раскрасавица да ещё певица великая. И как возьмётся голосить с утра до вечера, и пока сама не обессилит, не остановится.

Представь, ещё помыкает своей сестрой. Метлуха всю самую тяжёлую работу исполняет, а она только в небесах летает и воет на все лады. Соберёт снежные тучи вместе, натолкает по всему небу, что и кусочка голубенького нет, и давай на всю округу вопить дурным голосом.

На лицо Метлуха хоть и не красавица, но и не уродица какая, а вот руки костлявые, морщинистые и страшные, как у старой ведьмы. Пальцы скрюченные, а вместо ногтей сосульки длинные. Всегда в лохмотьях ходит. Что и говорить, неряха страшная. Волосы косматые и такие длинные, что на

многие метры развиваются. Метлуха горбатенькая маленько, поэтому и ходит, к земле прижавшись. Сама-то хотя низенькая, росточку небольшого, и полуница,⁴ да и на вид сложения хрупкого, а как возьмётся воронки в сугробах крутить и метлой махать, такую великую завереть подымет, что будь то человек или зверь – кого хошь с ног свалит! Силища у неё и впрямь особенная, страшная сила.

Картины из сугробов составлять – для неё лучшее занятие. Особенно по нраву ей на равнине метёлкой махать. Выберет огромное поле и картину на нём рисует. Тем, кто по земле ходит, не видно, конечно, что по росписи небывалой ступают. Думают, что Метлуха сугробы мимодумно там-сям набухала, барханы накрутила, как в пустыне. Птицам, конечно, видать, да только много ли на зиму птах остаётся? Да и те не больно высоко летают. Силы берегут. Порхают с ветки на ветку, а уж когда Метлуха с метлой является, и вовсе прячутся и носы не высовывают.

Да и то сказать, картины у неё не ахти какие выходят. Мудрено разобраться. Но Метлуха своей писаниной дорожит. Очень уж не любит, когда на снегу лишние чёрточки от следов. Для других с высоты и неприметно вовсе, а Метлуха всякий изъян видит. Нравится ей, чтобы гладенько было – ни следочка, ни вмятинки. Всякий раз придёт в лес и ворчит, как старая бабка:

– Ишь, натоптали! Что ты будешь делать! На месте им не

⁴ Полуница – здесь тот, кто с горбом

сидится! – или давай причитать и чуть ли не слезами обливаться: – И кто ж это наделал?! Ай-ай-ай! – повернётся в другую сторону и опять: – Ай-ай-ай! – и давай заново рисовать-месты.

Бывает, и вовсе озлится страшно. Тут уж держись! С остервенением бросается, наброды переметает и следы присыпает. А уж если увидит того, кто натоптал, всё своё возбешение на него обрушивает. Только и спасение, что беги от неё скорей, спасайся, прячься в какой-нибудь лесной сaxonке. Не то заледенит, захлещет вихрями, пока кровь в жилах не застынет. Не успокоится, пока снегом не засыплет.

Долго её в Кара-Шимском лесу не было, а когда заявилась, глядит: весь снег следами исчерчен, а кое-где и глубокими бороздами изрыт. Ну и взбесилась, конечно. Махнула с остервенением метлой и понеслась, поскакала яриться по сумётам. Где промчится, там снег стеной поднимается, и кружится, и рвётся в бешеной пляске вихрей. Метлой ударит – там сугроб вдребезги разлетается.

На беду, попался на пути Ледовитке старый олень. Оленя этого Лавр Конотоп зовут, давно он уже отшельником живёт. В стаде ходить не хочет, а всё бродит, бродит по лесу, словно что-то отыскивает.

Лавр и так измаялся, по глубокому снегу через полянку пробираясь, а тут ещё Метлуха наскочила. Идёт еле-еле, по самое брюхо проваливается, с трудом копыта в глубоком снегу переставляет. Совсем, видать, обессилил, от тяжёлого ды-

хания хрипы из груди рвутся, клокочет, охает больное нутро. Олень пасть раззявил, дымящийся язык у него из пасти вывалился, так и висит сбоку. Широкая разрыхлённая полоса за оленем тянется... Хуже не придумаешь.

– Ба! Да это же Лаврик Конотоп! – в злорадном восторге воскликнула Метлуха. – Когда же наконец тебя волки загрызут?! Сколько лет ещё будешь меня мучить?! Я тебе покажу!.. Я тебе устрою!.. Ну, хватит, и так зажился!

Страшное возбешение на неё нахлынуло, кинулась она вдогонку и с разбега по самые рога оленя присыпала.

Тот еле-еле из сугроба выбрался, все последние силы истратил. Случись волкам быть поблизости, бери оленя беспомощного. Всё же доплёлся до ближайших деревьев и слёг под пихтушкой. Подскочила к нему Ледовитка и с размаху метёлкой огрела.

– Чтоб тебе пусто было, окаянный!

Бедный олень съежился весь, уши к голове прижал, глаза закрыл и с жизнью прощается. А Метлуха ещё больше взбесилась. Снегом хлётко, как песком, швыряется, стараясь по носу и по глазам попасть, да в уши снег натолкать. Не впервой, конечно, Лавру ярость Ледовиток терпеть, уж повидал на своём веку! Это людям хорошо, спрятались в своих домах и горя не знают, а для лесного народца зима – какая уж там жизнь, только бы до весны дотерпеть. Правда, волки зиму любят, оно и понятно.

Так бы и замучила Метлуха старого Лавра, но краем глаза

из-за деревьев речку увидела. Побежала разгорячённое нутро охолонуть и с разгона на берег Нарышки выскочила. Глядит: на узенькой промоине два лебедя плавают...

К лебедям-то у Метлухи какие обиды? На берегу разве что малость натопчут, а так всё на воде шуруют. В другой раз и не заметила бы, мимо прошла, а сейчас в ярости и остановиться не может.

– Это что за беспорядок?! Смотри-ка, вас мне тут ещё не хватало! – злобно шипела она. – Нечё, сейча-ас, сейча-ас... Сейчас я вас навсегда под снегом упрячу. Никто не найдёт.

Разгорячённое нутро рычит, метла из рук рвётся, по воде со всей дури хлещет. Ох и большая волна поднялась! Пенится на гребнях, брызги во все стороны, а возле лебедей и ряби нет. Плавают они себе и будто не замечают, что стихия беснуется.

А у Метлухи всё в голове перемешалась, она даже и подумать не в силах, что чудо перед ней. Ярится и остановиться не может.

Тут и Вьюга на подмогу сестре подросла. Столкнула за дальние горы синее небушко, а вместо него лохматую тучу приволокла. Тряханула тучу со всей моченьки, и повалил снег тяжёлыми хлопьями. Вьюга сбивает снежные вихри, вертит со страшной силой и на землю швыряет. Внизу его Метлуха подхватывает, мечет из стороны в сторону.

Такая страшная завереть поднялась, что белый свет померк.

И вдруг посреди снежного неба... молния сверкнула. Тихо без грома шибанула, и в тот же миг Вьюга грохнулась на землю. Полетела вверх тормашками, беспомощно размахивая руками.

Да ещё прямо на Метлуху с неба свалилась. Ругаясь и кляня весь белый свет, Метлуха выбралась она из-под сестры, глядит, а та вся такая переломанная, что хоть кости в мешок ссыпай и домой носи. Корчится в злобном вое, а подняться не может.

– Совсем сбрендил?! – закричала Метлуха. – Летать разучилась?!

– Молонья в меня попала, – простонала Вьюга.

– Какая такая молонья? Ты что, спятила? Какая гроза в нашу пору?!

– Это я-то врать буду?!

– Если бы молонья в тебя попала, от тебя бы ничегошеньки не осталось, – а сама в испуге заозиралась, в сторону реки глянула... а там вдалеке и впрямь молния сверкнула.

Скажу тебе, очень Ледовитки Грозу боятся! Что и говорить, если легенда такая по миру ходит, что саму Снежную Королеву молнией зашибло. Не успела та в свою ледовитую сторонушку укатить, замешкалась ну и наскочила на первую весеннюю грозу. А шальная девка Гроза (это она молнии пускает) очень Ледовиток не любит, для неё это самые первые враги. С удивлением увидела она тогда Снежную Королеву ну и, конечно, с радостью в неё молнию пустила. Известно,

наповал. Только и осталось, что лужица маленькая, с синей жижей. Правда это или нет, сказать не берусь, вот только давно что-то никто Снежную Королеву не видел.

Метлуха собрала сестру тайной силой, а всё-таки Выюга уже взлететь не смогла. Всю свою силу растеряла. Да и ходить толком-то разучилась. Оперлась она о руку сестры и поковыляла кое-как. К этому времени и Метлуха успокоилась. Глянула она на лебедей, и ей даже жалко их стало.

– Ничего, сестра, полежишь дома, отдохнёшь, а я пока сама за порядком смотреть буду, – ласково сказала она.

Вдруг откуда ни возьмись... шаровая молния появилась. Да большая такая! Вот тыкву в двадцать килограмм возьми – такая молния будет. Зависла она над Выюгой и Метлухой и мерцает, не двигаясь с места. И пульсирует крупно так и с тем же тактом, словно сердце бьётся.

Ну, Ледовитки со страху и обомлели. У Выюги от испуга вдруг силы откуда-то взялись – враз исцелилась. Попятилась она, истошно крича, ошалело прыгнула в сторону и давай улепёгивать во все лопатки. Так бежала, что запнулась и в сугроб рюхнулась. Выбралась из снега, в ужасе оглянулась на светящийся шар и ещё пуще припустилась, резво подпрыгивая на каблуках. Потом и вовсе взмыла в небеса и большими прыжками по воздуху поскакала. Крыльев-то у Выюги никаких нет, но она и без них неплохо по небу шурует.

А Метлуха на месте осталась. Смотрит как очарованная на шар и метёлку из рук выронила.

– Это не молния, это... – вдруг прошептала она.

Светящийся шар задержался ещё на месте, словно раздуваемая, как ему с Метлухой поступить. Потом в сторону лебедей полетел и на серёдку открытой воды опустился. Тотчас же зашипел и медленно в глубине потонул. Минуты какие-то прошли, и по краям промоины лёд стал таять, а то и целые куски поплыли вниз по течению. Сколько-то времени прошло, и от берега до берега река очистилась ото льда.

Долго ещё стояла Метлуха и заморожено смотрела, смотрела на лебедей. И словно внутри у неё перемена дивная случилась.

На следующий день Стыня Ледовитка, тётя Вьюги и Метлухи, в лес заявила. Вроде как тётя родная, а разницы в возрасте у них почти никакой. Так выходит, что Стыня Ледовитка младше своих племянниц. Недолюбливает она Вьюгу и Метлуху, а сестру Путергу и вовсе ненавидит. Те тоже не очень-то Стыню привечают, однако не о том речь.

Только Стыня на Кара-Шимский лес грянула и сразу морозы под сорок градусов на край напустила. Стужа страшная, а вода в речке несколько не остыла. В том месте, где шаровая молния потонула, горячий ключ пробился. Яшка с Машуней по речке плавают, а на дне горячий гейзер бурлит, и пузырьки к поверхности поднимаются. Вода тёплая, оттого и кажется лебедям, что они на Нарышке летом.

И домик на реке появился, а как же. С двумя трубами. Только его обычным зрением не увидишь. Вот послушай,

как его лесовин Зелёнка обнаружил.

Таинственный домик

Дня через три после того, как горячий ключ на дне Нарышки открылся, пришли волки-певуны к Анохе и рассказали, что видели на реке двух лебедей. Очень им захотелось лебедятинкой полакомиться, а как к ним подступиться, не знают.

Ну, Аноха и рад стараться своих волков необычной кухней побаловать.

– Ах вы лапушки мои! – зареготал он. – Сейчас-сейчас, я вам хоть тонну лебединого мяса накудесить могу!

Арий, вожак стаи, говорит:

– Нам живых охота взять. Хочется, чтобы живая плоть в зубах трепыхалась...

Аноха усмехнулся и говорит:

– Вам ли, избранным, за ними гоняться? Лебеди и улететь могут.

– Не-а, эти не летают, – осклабился молодой волк, у которого сложное имя – Реквием Тромбонис. – Силёнок нет, крылья еле волочат.

Аноха поскрёб затылок и подумал: «И то правда, пускай живыми лебедями душу отведут. Может, у них голоса звонче станут».

Ночью пришёл Аноха с волками на берег Нарышки. Луна круглым блином на серёдку неба выкатилась, ярко светит,

оттого и далеко видать. Аноха из-за бугорка чуть высунулся, волки тоже через кусты и заломник на реку смотрят.

Если со стороны глянуть, покажется, что Яшка с Машуной не в домике, а на воде спят. Дремлют, прижавшись друг к дружке, и их помаленьку течением к ледяной кромке относит. Яшка каждые десять минут вздрагивает, оглядывается по сторонам. И если их с Машуной близко ко льду прижало, он тихонько, чтобы не разбудить, Машуню подальше отталкивает. Бывает, и Машуня просыпается. Тогда уже она за порядком смотрит.

– Ну что, мои хорошие, слюнки текут? – ласково спросил Зелёнка. – Сейчас лебедятинки отведаете. Знаю, заслужили. Лосятина и оленина уже оскомины на зубах набила? Мне ли не знать, что избранные и питаться изыскано должны?

Показал Аноха на лебедей и говорит:

– Сейчас я невидимо к ним подойду и оморочь наведу. От моей силы они не скоро проснутся. А вы не зевайте. Вон там, на краю льдины, дожидайтесь, – Аноха махнул рукой вниз по реке, указывая на ледяную пластушину, перегородившую реку от берега до берега. – Туда их течением принесёт. Да, смотрите, в воду не лезьте. Не ровен час, простудитесь ещё, заболеее. Возись потом с вами. И раньше времени не высывайтесь. Сперва я их усыплю, а вы смотрите: когда я видимый стану, тогда и на лёд выходите.

Волки головами закивали и, прикрываясь прибрежным кустарником, стали к месту пробираться.

– Красавцы мои, – сказал Аноха, любуясь на волков вслед. – Ни у кого таких нет!

Вошёл в нужное состояние и невидимый стал.

Кстати, сразу тебе скажу, как лесовины невидимые становятся. А то подумаешь, что это волшебство какое-то, сказки. А вот и нет, всё по науке. Просто лесовины – только это между нами – из скрытой материи состоят.

В нынешнее время даже люди знают о скрытой материи. Не буду тебе говорить, как лесовины её называют, больно мудреное название, а люди её темной материей нарекли. Потому так назвали, что её обычным глазом не видно и никакими приборами не схватишь. Правда, их знания – так себе. Просто математики взвесили на бумаге всю Вселенную, и оказалось, что по законам физики она намного больше весить должна. Получилось, что галактики со звёздами всего пять процентов занимают от общей массы, а остальное непонятно что. Потом и опытным путём доказали существование тёмной материи. Там ещё тёмную энергию обнаружили... ну да ладно, не о ней речь.

Люди даже не представляют, какое разнообразие материи скрыто от их глаз. И эта материя на многие классы разделена. Но есть среди них особый род атомов, которые могут собираться в любую конструкцию, как и обычные атомы. В общем, из этой скрытой материи хоть что сделать можно, даже живой организм. Эта конструкция ни при какой температуре погибнуть не может – хоть абсолютный ноль, хоть миллиар-

ды градусов, – и никакие физические силы её не разрушат.

Слушай дальше, в обычном состоянии скрытая материя невидимая и не подвергается действиям никаких сил. Но, составляя живой организм, она может управляться сознанием. Этот закон называется в честь... хотя, знаешь, имя этого гениального лесовина людям ничего не скажет. Он первым объяснил, почему скрытая материя возможна в определённых сложных конструкциях. Это он вывел формулу, связавшую сознание и энергию вместе. И доказал, почему уравнение не имеет прямёхонькой пропорциональности. Проще говоря, почему сознание может переходить в энергию, а энергия в сознание нет.

Вроде бы не очень закомуристо сказал. Словом, если скрытая материя сама захочет, может она и видимая быть, и могут на неё разные физические силы действовать – электромагнитные, гравитация и т. д. А если не захочет – тут уж ничего не поделаешь.

Стал, значит, Аноха невидимый и к лебедям направился. По бережку до воды дошёл, а там и по водной глади пошлёпал, как посуху. Веса в нём никакого, потому на воде даже ряби нет. Лебеди его и не слышат. Машуня, правда, вдруг проснулась и оглянулась заспавшимися глазами по сторонам. До льда далеко, да и вокруг никого не увидела, успокоилась сразу, к Яшке ещё теснее прижалась, голову положила ему на спину и опять уснула.

«Вот бестолковая птица, – подумал Аноха. – Если не ви-

дит, значит, и спи спокойно? Ну, спите, спите... Нет, милые, не суждено вам больше проснуться... – и вдруг... взгрустнул, жалко ему стало лебедей. Посмотрел, как они друг к дружке жмутся и ажно сердце защемило. – Ладно, нечего тут... Доброе дело делаю – и лебедей от мук избавляю, и волки мои сытые. Побалую их лебедятинкой, заслужили».

Идёт себе по воде, ни о чём не печётся. По сторонам не смотрит, а под ноги – тем более. Метров двадцать от берега отошёл, до лебедей рукой подать, а он вдруг как шибанётся лбом о какую-то невидимую стену! Ажно искры из глаз посыпались. Очухался малость, глаза продрал, глядит: вот чудо так чудо! Посреди реки – прямо на воде! – домик стоит... Небольшой такой домишко, в одно окошко, а на крыше две трубы... Из обоих дымок клубится, а из окошка тусклый свет мерцает.

Аноха рот раззявил и ошалело глазами ворочает – гляди, как бы умом не пошатился. Смотрит и никак понять не может, откуда на реке домик взялся и как он его раньше не видел.

У самого, получается, зрение не ахти какое. Да и где это видано, чтобы дома на воде ставили. Свай никаких нет, и если течением его немного сносит, потом какая-то неведомая сила на место возвращает. Про себя-то Зелёнка думал, что всё на свете знает, все природные законы изучил, ничем его не удивишь, а оно вон как...

Подошёл он к окну, в избу заглянул, а там, на мягкой подстилке возле печки, лебеди лежат. Друг на дружку головы положили и спят. Посапывают себе помаленьку и горя не знают. Вот чудо так чудо! Издалека-то видать, что лебеди на водной глади ночуют, а близко посмотришь – они уже в домике. Как будто Аноха, когда на невидимую стену наскочил, в тот же миг в другом мире очутился.

Аноха даже разозлился.

– Болваны! – гаркнул он. – Без моего разрешения реку захватили.

Обошёл вокруг дома... и дверей не нашёл. Однако лесовинам и двери никакие не надобны, через стены шуруют не хуже любого нейтринно. Попробовал Аноха тайной силой через стену протиснуться, да только ничегошеньки у него не получилось. Уж и психовал и шишек себе набил.

Так лесовин внутрь и не пробрался. Хотел он в окно постучать, и уж было руку поднял... да вдруг передумал. По природе своей Аноха трусоват малость, всякой неизвестности побаивается. Да и понял, что домик из особенного материала сделан. Раз тонкое тело не пускает, значит, чья-то высшая придумка...

«Неспуста дом на реке объявился, неспуста, – рассудил он. – Не могли сами лебеди его поставить. Наверно, кто-то сильный этих лебедей оберегает. Разузнаю-ка я лучше, что да как, а там и видно будет».

Тем временем волки не вытерпели и на лёд высыпали. Языки из пастей вывалили, стоят, слюной обливаются.

Аноха подбежал к ним и давай в ярости пинками разгонять.

– А ну, дармоеды, брыкайте отсюда! Ишь, размечтались! У, пролоты несытые! Разжирели на дармовых харчах! Всё вам мало!

Волки прыснули врассыпную, а Аноха ещё долго вдогонку грозился.

На следующее утро лесовин опять на речку пришёл. Издалека смотрит – лебеди плавают, а ближе подойдёт – на реке домик стоит, и лебеди внутри него.

Домик этот странный очень. Яшка с Машуней его будто не видят и не замечают. Поплывут куда-нибудь, и домишко за ними плывёт. А если опасность какая-нибудь предвидится, домик сразу лебедей в нутро своё забирает. Как будто он сам живой.

Попробовал Аноха по дну пройтись. Дошёл до места, где дом плавает, а там столько рыбы, что проходу не дают. Еле еле пробрался и под самым домиком горячий ключ обнаружил. Удивился лесовин, а больше того, испугался. Бежал оттедова не хуже Выюги. Дома уже, когда отпышался, решил больше лебедей не трогать.

Такое вот чудо Илька явила. Девчушка, сама того не ведая, вокруг Яшки и Машуни огромной силы защиту возвела. Просто полюбила их в сердчишке своём, пожалела и даже испугалась, что с ними беда случиться может. Всего-то и делов, а вот теперь скрытая сила их бережёт. Видать, пробудила Илька редкостный природный закон, о котором на Земле мало кто знает. А может, он и вовсе раньше здесь не встречался. Что и говорить, от доброго сердца всё новое во Вселенной возникает. Да и сама Вселенная от любви появилась, а не от взрыва какого-то там. Хотя и похоже это было на взрыв...

...Аноха целый день от страха трясся, а когда вечером же-

на (у которой, кстати, смешное имя – Оса-Пилюля) из леса пришла, сразу её упредил:

– Пилюля, под яр на тальцы не ходи. Там нечистая сила поселилась.

Оса посмеялась и говорит:

– Эх, Зелёный! Возишься со своими волками и не знаешь, что у нас в лесу девочка маленькая, из людей, объявилась. Её уже Хозяйкой прозвали...

– Какая такая хозяйка?! – опешил Аноха. – А мы тогда кто?

– Мы и есть настоящие хозяева, а она... да рази безмозглое зверё что понимает?! Эта малявка, вишь, добренькая оне и липнут...

– Этого нам ещё не хватало, – помрачнел Аноха. – К Ермолаю Садовнику тоже девочка в лес приходила. Помнишь, он слезьми обливался? Пришла, говорит, маленькая такая, тихонькая девочка – и весь лес вдребезги...

– Ага, как же не помнить! Он после того случая умом повредился.

– Видала, говоришь? А какая она, девочка эта?

– Глаза хитрющие-хитрющие, самые лисьи и есть. Улыбку с лица не смахнёшь. Но самая сила, думаю, у неё в... косичке. Волосы русые и до плеч так-то. Косу немного набок заплетает, и она у неё не на спине весит, а спереди, на плече, лежит себе смирнёхонько, как приклеенная, не болтается. Коротенькая такая косичка, а, сдаётся мне, в ней огром-

ная сила заключена. Из-за этой косички на неё нашеньские чары не действуют. Бровки у неё ещё чудесные, реснишки...

Скажу тебе, Оса-Пилюля по сути своей – сыромаха⁵. Не подумай, конечно, что природная волчица. Обычная она лесовинша, просто до крушины⁶ волчицей была – ну и по каким-то тайным причинам на Земле осталась. Теперь вот тулово у неё человечье, но голову волчью носит. Это, вишь, Аноха попросил, чтобы она эдак выглядела... Самой-то ей не по нраву, очень она людям завидует. Вот и обращает внимания на разные там их косички, бровки, реснишки... Кстати сказать, Аноха попервости, когда в лесовины заступил, заячью голову носил. Потом экспериментировал долго и, в конце концов, человечью нацепил.

Знаешь же, как Зелёнка волков любит. Вот и Пилюле советовал. Дескать, так красивши, да и зубы у волков крепче и острее, ими кусать ловчее. Хотя Оса мясного ничего не ест. Видать, в прошлой жизни так дичины объелась, что теперь и на дух не переносит. Вот яблоко погрызть или морковку – другое дело, может и мешок зараз съесть.

А вот Анохе, наоборот, всё больше мясное подавай. Иной раз и сырое мясо слопает, не поморщится. Ну да ладно, не о том речь.

Так и ходит Пилюля с волчьей головой. Чёрным платком подвяжется разве что, и то на затылок его сдвинет, чтобы

⁵ Сыромаха – волчица

⁶ Крушина – смерть

уши торчали.

Вообще-то, скажу тебе, Оса ничем Анохе не уступает, стоят они друг дружку, стоят... Только в том разница, что Аноха совсем лесом не занимается, а Пилюля чересчур рьяно. И всё-то у неё вкривь-вкось выходит.

Сама холода не чувствует, по термометру справляется. Когда лютые морозы ударят, она по лесу бегаёт, лесной народец полошит.

Сгонит всех зверюшек на полянку, из тёплых схронок выдернет и учит:

– Мороз страшный, поэтому из ухиток не высовывайтесь, а то ещё уши отвалятся.

Звери слушают её, дрожат от холода. Кто и вовсе так закоченеет, что зуб на зуб не попадает, а Пилюля знай себе лекцию читает, как надо греться и от холода спастись.

Медведь, бывало, уже заснёт крепенько и сны видит, а лесовинша залезет к нему в берлогу, растолкает и спрашивает:

– Почему не пришёл, когда я зверей собирала? Ты же погибнуть можешь!

Косолапый спросонья глаза продирает, ничего понять не может, ворчит раздражённо. А Пилюля не унимается:

– Тебе что, особое приглашение нужно?

Медведь не выдержит и заплачет:

– Оставьте меня. Зачем вы меня обижаете?

– Поговори ещё! – сердится Оса. – О тебе же непутёвом забочусь. Замёрзнешь, окаянный, а мне переживай потом. Гля-

ди, заснёшь и поминай как звали. Стыня Ледовитка две недели лес студить будет. Земля-то наскрозь промёрзнет, вместе с тобой...

Вылезет из берлоги, а медведь ещё долго уснуть не может, с боку на бок ворочается.

Вот такая она, Оса. Что и говорить, далеко про неё кривая слава покати́лась. У любого лесовина спроси, про Осу-Пилюлю, он тебе такого нараскажет!

Ну да ладно, а в том разе Пилюля с Анохой долго ещё разговор вели и спорили. Всё думали, надо им лес от маленькой девочки беречь, или пусть уж так...

Как Клещ умом пошатился

Свезло, конечно, Ильке в малые годы Хозяйкой леса стать. Лесной народец её почтительно зовёт – Хозяйка Иринья. Проснётся Илька и сама удивляется, почему это лесные жители её нисколько не боятся и с радостью встречают. Каждую зверюшку, каждую птицу она по имени знает. Иной раз, казалось бы, впервые видит, а никогда не ошибётся, имена не спутает. Верно, тайна тут какая-то есть.

Ночи не проходит, чтобы Ильке сон не приснился. И всё-то она в лесу, в лесу... Птиц и зверей кормит, иной раз и из беды вызволяет. Как будто чувствует, где и когда животных напасть подстерегает.

Приснилось ей однажды, что она на лесных озёрах проруби делает, от заморов рыбу спасает. Ловко это у неё, знаешь, получилось. Очистит от снега место на льду, очертит ладошкой круг, с метр в диаметре, и дальше идёт, не оборачиваясь. А в том месте за минуту полынья вытаивает. Сделает на одном озере несколько окошек, потом по ним ходит и проверяет, как рыба подошла. Всякого пера рыбины возле промоин толпошатаются. Хищники мирную рыбу не обижают, рядышком друг с дружкой плавают, толкаются, судорожно рты разевая.

Так-то вот засмотрелась на рыб и вдруг видит: мимо молодой марал пронёсся, а за ним метрах в трёхстах на снего-

ходе Гена Клещ гонится.

Этот Клещ, скажу тебе, – браконьер матёрый, немало на своём веку животинки погубил. Охотником-то его назвать нельзя, браконьер и самый настоящий убойца. Петли и капканы по всему Кара-Шимскому лесу разметал. На снегоходе иной раз только ради забавы зайцев давит. А от снегохода, знаешь, никому не уйти. По глубокому снегу олень, косуля или лось даже не пытаются убежать. Быстро выбиваются из сил, встают и ждут обречённо, когда такой, как Клещ, обрушится на ревушем снегоходе и жизни их лишит. И дружки у этого убойцы под стать. Вместе они и с вертолёта пострелять любят.

Увидела Илька Клеща и сразу за ним вдогонку кинулась. Перевернулась в иволгу, скоренько снегоход догнала и на санках очутилась. Отряхнулась эдак спокохонько, тронула Гену за рукав и спрашивает:

– Дяденька, вы зачем в лес приехали? За шишками? – у самой глаза смеются, хитринками поблёскивая.

Клещ даже не повернулся. Голову угнул, прищурил жадные до крови глаза и с оленя взгляд не сводит. Вот-вот нагонит.

«Эх, машина шумит громко. Наверно, дяденька не слышит...» – подумала Илька и в то же мгновение ока перед Клещом на капоте снегохода очутилась. Не прыгнула, а просто, знаешь, раз – и она уже перед браконьером стоит, за лобовое стекло держится.

– Дяденька, хотите, я вам покажу, где шишек много? – что есть мочи крикнула Илька.

А Клещ её всё равно не видит и не слышит. Вперил злобные глаза в оленя и шипит что-то страшное себе под нос.

Олень из последних сил бежит, копыта неровно подаёт и уже спотыкаться начал. До леса метров сто оставалось, и он валежину в снегу не заметил. Сходу завяз передним копытом в коряге. Замешкался на месте, освобождая ногу, потом неловко прыгнул, оступился и на бок рухнул. Рванулся, пытаясь подняться, и опять упал.

Через какие-то секунды Клещ возле него очутился. Заре-

готал с доволи, прыгнул с ревущего снегохода и ружьё вскинул.

Олень даже не попытался подняться. Отвёл от Клеща свои большие грустные глаза и покалеченную ногу лизнул...

Илька сразу напредки ружью встала, закрыла собой оленя и заплакала:

– Дяденька, не надо! Не надо, пожалуйста, не убивайте олешку!

От грянувшего выстрела кухта с деревьев посыпалась. Илька упала, а олень встрепенулся, вскочил и сиганул опрометью в чащу. Клещ опять рванул курок кривым пальцем – и осечка. Пока патроны доставал, оленя и след простыл. Кинулся убойца к снегоходу, а тот сразу же... заглох.

Илька никакой боли не почувствовала, смотрит вслед оленю, и так ей радостно стало, что и не передать. Отняла ладошку от груди, а она вся в крови. И на платице (во сне Илька и зимой и летом в платицах ходит) кровавая хлипь расплылась.

– Ну вот, опять кровью запачкалась, – засмеялась девчушка. – Ничего, это я мигом... – и в ту же секунду от красного и следочка не осталось.

Говорят, смерть во сне долгую жизнь предвещает. Будто бы это хороший знак. Может, так оно и есть. Но точно знаю: если за другого жизнь отдать, самый верный признак, что не только долгая жизнь будет, но и счастливая.

Хотела Илька в иволгу обернуться и вслед оленю поле-

теть, но тут вдруг Клещ исхитрился и свой снегоход завёл.

– Вот дяденька неугомонный попался!.. – шутейно проворчала она и быстренько на санки запрыгнула.

Рванул браконьер в лес и давай между деревьями по следам оленя петлять. Но так, видать, бедолага, сильно торопился, что гусеницей за кокорину⁷ зацепил. Вскользь получилось, но у Клеща руль из рук вырвало, а самого из сиденья через стекло выбросило.

Гена кубарем в овраг скатился, а снегоход с рёвом в толстенный кедр врезался. Вроде Клещ ничего себе не поломал, но зашибся сильно. Еле-еле на ноги поднялся.

Илька посмотрела на него, покачала головой и говорит:

– Ну вот, я так и знала, что дяденька за шишками в лес приезжал... Самый первый кедр стороной не объехал и шишек собрал...

Увидел Клещ свой снегоход, и у него ноги подкосились... Повалился он тут же на злосчастную кокорину, ругается, воет...

Илька вдруг решила... видимой стать. Подошла к Клещу и за плечо его тронула.

Тот шало обернулся, а Илька схватила себя ладошками за щёки, на разбитый вдребезги снегоход смотрит и чуть не плача говорит:

– Ай-ай-ай, что же этот олешка наделал! Ай-ай-ай! – прямо не на шутку расстроилась... – Ничего, дяденька, ничего, я

⁷ Кокорина – вывороченное с корнем дерево

его сейчас догоню и к вам приведу... – и с этими словами она в иволгу перевернулась и улетела в неизвестном направлении.

У Клеща чуть ум не повернулся. Побежал оттедова не хуже оленя. Как уж он до дому добрался, и не спрашивай. В постели потом не одну неделю провалялся. Кое-как выходили. А умом всё же маленько пошатился. Потому что долго ещё всякую дичь нёс. Всё про какую-то маленькую девочку в летнем платьице рассказывал. Эка бедолагу по голове шибануло! Где это видано, чтобы девчужка десяти лет отроду в самой глухой тайге разгуливала?! Да ещё зимой и в обычном платьишке?

Встреча с волчицей

Однажды Илька волчицу Марушку встретила. Тоже она, слышь-ка, из стаи Хвата Серпоклыка.

Волчицу Марушку в стае ещё Морковка кличут. У неё, слышь-ка, на кончике хвоста рыжий волос мешается. Не броско вовсе, да и то только тогда заметно, когда волчица в летнюю шубу наряжается. И вот повелось, что с детства её за рыжий хвост дразнят. От зависти, наверно.

Многонько Марушка из-за своего хвоста натерпелась. Тихоней и молчуньей росла, с малолетства привыкла хвост под брюхом носить. Волки её затюкали, последней к кормёжке подпускают, а то и вовсе ей поесть не достаётся. В волчьей стае шибко не церемонятся, потому и незавидная судьба Марушку ждала, но, так случилось, что Хозяйка Иринья вмешалась...

Однако обо всём по порядку. Встретились они, что и говорить, не случайно...

Гуляет, значит, Илька по лесу и видит: волчица на пригорке сидит и слезами заливаётся. Со зверями Хозяйка всегда серьёзная, как учительница какая. Боязни и вовсе нет, тем более перед какими-то там волками. Кинулась она к волчице – гладит её по шёрстке, мокрую мордашу вытирает. А та, Хозяйку увидев, малость обробела, ещё пуще разревелась, слова сказать не может. Потом всё-таки притихнулась и рас-

сказала, какая беда стряслась.

– Шла я мимо... – всхлипывая, стонала волчица. – Гляжу, лосёнок в яме сидит. Сирота он у нас, телёнок-несмышлёныш. Видно, спрятался ребячьим делом, а назад вылезти не может.

– Обманываешь, наверно, – строго сказала Илька. – Знаю я вас, волков, так и думаете, как беззащитных зверей погубить.

– Что ты! Что ты! – замахала лапами волчица. – Я мясного давно не ем, всё рыбу да корешки разные.

Посомневалась Илька, а по всему видно – правду волчица говорит. Да и зарёванная вся – как тут не поверишь?

Заглянула Хозяйка в яму, а там и впрямь лось сидит. Илька сразу его узнала, в лесу его Сенька Бобровский зовут. Приметный лосишка, шерсть на нём клокастая, неухоженная. Этот Сеня, знаешь, сирота, с начала зимы без мамки остался. У людей, вишь, бумага нашлась, по которой разрешалось им мать-лосиху убить и лосёнка сиротить. В тот страшный час даже Илька не смогла лосиху спасти. Тогда сразу трое охотников в лес пожаловало, с разных сторон подстерегали. От одного убойцы Хозяйка заслонила лосиху, приняла пулю, а от другого не успела. Да ещё в тот раз Илька, как только пуля в неё попала, сразу проснулась. Куда одной-то успеть?

Сеней – так лосёнка сама мама назвала, а Бобровскими в Кара-Шимском лесу почему-то всех лосей кличут. Видать, потому, что лоси, как и бобры, кору древесную любят.

Не такая уж ямина глубокая, а Сеня из неё выбраться не может. Ослаб в зимнюю бескормицу, а может, и после того, как мамку потерял, всё в себя не придёт. Не ест почти ничего. Целыми днями бегаёт с отчаяньем по лесу и мамку кличет, кличет... Мясоеды его не трогают, а волчица Марушка и вовсе за ним смотрит, чтобы беды не стряслось. В мамки, правда, не набивается, издалека приглядывает. Однажды даже росомаху отогнала. А тогда, когда Сеня матери лишился, это она его от людей увела. Мясо Марушка, правда, ест – тут Хозяйке она соврала, конечно, – но мало вовсе. Уж такая жалостливая волчица! Когда дичину лопаёт, прям обревётся

вся. А на охоте только загонять умеет.

Сидит себе Сенька в яме, нахохлился весь, передние копыта вперёд вытянул и на них мордаху положил. Илька его окликнула, а он равнодушно голову поднял и опять отвернулся, словно всё равно ему уже, ни до кого дела нет.

Илька засмеялась и спрашивает:

– Ты зачем сюда забрался?

Лосишка обиженно засопел и отмахнулся:

– Хочу и сию.

– Ишь ты какой суровый! И есть, наверно, не хочешь?

– Ничего я не хочу...

– Второй день уже сидит, – просунулась из-за спины Ильки волчица. – Я ему и осинки в яму кидаю, и других деревьев коры нанесла, а он даже не притронулся. На весь свет обиженный-разобиженный. Самой-то мне не вытащить: эка вымахал!

Посомневалась Илька: лосишка уже большой, веса в нём, наверно, полтораста кило будет, если не больше. «Ничего, вытащу как-нибудь», – подумала она, а сама приглядывается, за что Сеньку ухватить можно. Волчица вокруг суетливо бегаёт, волнуется.

– Держи его крепче, не урони смотри, – советует она. – За уши тащи, так верней будет.

– Как это за уши? – удивилась Илька. – А вдруг оторвутся?

– Не отвалятся, не бойсь... Эх, были бы у меня человеческие руки! Сколько возможностей от них!

– А лапы чем хуже? Может, скажешь, и ум человеческий лучше?..

– Человечий умишко – не такое уж и большой прибиток, а вот руки – это да! – мечтательно сказала Марушка. – Бывает, у нас, у волков, кость в горле застрянет, так и помочь другу другу не можем. Да много разного случается, где бы руки человеческие пригодились. Часто лесной народ по глупости гибнет, и помочь никак нельзя. А всего лишь руки нужны.

Побоялась Илька Сеньку за уши тащить, схватила его за шкуру, как щенка несмышленого, приподняла чуть – и такой он ей лёгкий показался! – и спокойненько из ямы выдернула. Да ещё силы не рассчитала, и улетел он у неё метров на десять. К счастью, Сеня ничего там себе не повредил, а поднялся сразу на ноги, промычал что-то вроде «спасибо, я не просил...» и задумчиво на волчицу уставился.

Марушка закон леса строго знает. В первый миг, когда Сеня на свободе очутился, прямо засияла от счастья, но сразу строгости на себя напустила и вдруг как гаркнет:

– Чего уставился, лопоухий?! А ну проваливай отседова! Скажи спасибо, что уши не оторвали!

Лосишка шарахнулся в испуге и со всех ног в чашу сиганул.

– А по-другому нельзя, – вздохнула Марушка. – Привыкнет ко мне и будет всех волков близко подпускать. Нашим-то я всем нагрозила, не тронут его, а сторонние волки спрашивать не будут, слопают и спасибо не скажут. Эх, частенько

забрёдают на нашу землю чужаки. Да и сам Сенька, небось, на одном месте не задержится и в другие края убежит. Э-хе-хе, телёнок ишо, а мамка не успела науку дать.

Удивилась Илька, до чего волчица необычная и мудрая, хотела с ней ещё поговорить и о всякой всячине расспросить, да тут вдруг и проснулась.

После этой встречи волчица Марушка к Ильке привязалась. Стала она в каждом сне приходить. Только Илька заснёт, сон ей завиднеется, и сразу к ней волчица подбегает. Лизнёт руку или в лицо ткнётся и скачет вокруг, словно собачонка игривая. Вместе они и по лесу ходят. Ну а потом Марушка всякий раз перед волками хвастается, а как же. Теперь её, знаешь, как волки уважают! Ещё бы, с самой Хозяйкой дружит!

Любят волки о людях послушать. Ну а Хозяйка Иринья, по словам Марушки, вроде как из людей. Соберутся волки всей стаей и просят Марушку о людях рассказать. Ну, она отказывается поначалу-то, напустит на себя важности, а потом сжалится и вещает:

– У людей вся еда сытная. Хошь котлет, хошь колбасы до отвала ешь. А как до борща дойдёшь, так и жиру не продаешь. У них всё строго – первое, второе, десерт, компот, дичь...

– Вот это жись! – удивляются волки. – А что такое котлеты, колбаса и этот... как его... борч, что ли?

– Эх, темнота! – всякий раз вздохнёт Марушка. – Вот мы

мясо сырое едим, а люди из него всякие блюда готовят. Так вкуснее.

– Попробовать бы, – мечтают волки. – Хоть разок бы на зубок положить.

– Это что! – с хитринкой обведёт всех глазами и говорит: – Такие у них деликантессы, что вам и не снилось! Кофей пьют, какаво.

– А это что за невидаль?

– Травы такие, а с них настои делают. До чего вкусно!.. – Марушка ажно глаза от удовольствия прикрыла. – В нашем лесу оне не растут, их из заморских лесов привозят.

– Тоже мне, сказала! – фыркнул молодой Герасим. – Какой же в траве вкус? Мне и даром никакой травы не надо. Пушай рогачи лопают, бока для нас нагуливают. И потом... – тут на него другие волки зашикали, и Герасим замолчал.

Старшие всегда за порядком следят, а как же. Боятся, слышь-ка, что Марушка обидится и рассказывать не будет. Обычно сидят волки тихонькие-тихонькие, вздохнуть не смеют. Марушка долго им обо всём рассказывает, наплетёт и от себя всякой всячины, а в самом конце обязательно скажет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.